

*Солдатам БАМа посвящаю.
Автор*

Повседневная жизнь военных строителей на БАМе (записки офицера-тыловика)

Строки, которые сейчас пробегают глазами читатель этой книги, представляют собой всего лишь очерк, посвященный бытовым условиям военнослужащих-строителей Байкало-Амурской магистрали. Хотя первоначальный замысел был куда грандиознее...

Первую попытку написать воспоминания о своей службе на строительстве Байкало-Амурской магистрали автор этих строк предпринял давно — еще в середине 1990-х годов. Тогда я имел одно постоянное место работы — коммерческий банк, а потому гарантированно располагал двумя выходными и как минимум тремя-четырьмя свободными вечерами в неделю (о чем сейчас могу только мечтать). Наверное, от избытка свободного времени меня и посетила тогда идея запечатлеть на бумаге события, невольным свидетелем которых я стал на БАМе. Конечно, были и другие причины. Важнейшей из них, наверное, была моя любовь к истории вообще и к различным мемуарам в частности. Кроме того, прожив на свете определенное количество лет, я понимал, что быстротечное время неумолимо сокращает круг людей, причастных к этой великой стройке. Следовательно, оно также быстро сокращает и число возможных мемуаристов тех событий.

Словом, именно тогда, в середине «лихих 90-х», как их теперь иногда называют, я робко взялся за перо. Написал несколько страниц, прочитал сослуживцам — им понравилось. Воодушевленный, стал было писать дальше, но... то ли запал быстро кончился, то ли текущие проблемы заели. В итоге эти несколько страничек

просто-напросто куда-то потерялись... Но время шло, наступил не просто новый век — новое тысячелетие. А с ним и совершенно новые технологии, и новые возможности — компьютер (я его приобрел в 1998 году), интернет (подключился в 2002-м, к скоростному — в 2008-м), сотовая телефония (сотовый телефон завел где-то в 2003-м).

Надо сказать, что уже задолго до этого я интуитивно предпо-

лагал, что со временем, конечно, появятся новые виды связи, благодаря которым я смогу найти своих старых друзей и знакомых. Но предполагать-то предполагал, а все-таки считал это несбыточно далеким делом. И вот оно свершилось... Помню, когда я в «Одноклассниках» нежданно-негаданно нашел своего сослуживца по армии (а он проживает сейчас в Нью-Йорке), то просто взревел от восторга. И пошло, и поехало... Внезапное возобновление контактов с людьми, связь с которыми я уже считал потерянной практически навсегда, не могло не всколыхнуть массу воспоминаний, загруженных далеко в «подкорку» и востребуемых до обидного редко. Поэтому желание что-то написать и оставить свою скромную страничку в многотомной летописи БАМа возникло естественно, как решение, которое приходит вроде бы неожиданно, но на самом деле абсолютно логично и обоснованно. И пришло оно в то время, когда (если модернизировать известную шутку) число прожитых автором лет далеко превысило размер его обуви и близко подошло к немалому размеру его же головного убора...

Относительно тематики своего очерка долго думать не пришлось — конечно, писать надо о том, что хорошо знаешь и что, как говорят, шупал своими руками. И раз уж мне пришлось выступать в роли офицера тыла, то и писать следовало о «тыльной» стороне БАМа. Конечно, я не настолько наивен, чтобы не понимать: одного желания мало, надо еще суметь написать это так, чтобы написанное было «читабельно» и представляло интерес для значительного круга читателей. Нечто подобное удалось, на наш взгляд, В.И.Манойлину в своих воспоминаниях, название которых в общем-то слабо отражается в содержании, равно и наоборот¹ (кстати, рекомендую всем почитать эти мемуары отставного генерала — нечасто военные в таких чинах пишут столь интересно). Насколько же это удалось автору данного очерка — судить читателю.

Хочу сказать предельно откровенно: тогда, в начале 1980-х годов, проходя службу в ЖДВ, строящих БАМ, я никогда не думал о том, что делаю что-то особенное. Как не думаю, так и сейчас, тридцать один год спустя. Поэтому не совсем воспринимая людей, которых распирает гордость от их прошлой миссии: «Да я БАМ прошел, да я такое видел...». Вообще о БАМе я вспоминаю, как о незапланированном и очень трудном, в буквальном смысле — военном, этапе своей жизни. Этапе очень примечательном, необычайно памятном, но о котором, как о всякой войне, можно сказать: «Интересного было много. Хорошего — мало».

Да, интересного было много — необжитые места, девственная природа, необычные условия, масштабы строительства, отношения между людьми и прочее, и прочее. Что касается плохого, то и его было немало. Хотя, слава Богу, многое уже стерлось из памяти (есть у нее такое замечательное свойство), а поэтому хорошего от этого как-будто стало больше... Тем не менее, когда я думаю о том хорошем и знаменательном, что было в моей жизни, то вспоминаю БАМ далеко не в первую очередь... Все, что я свершил и чего добился в жизни (много или мало — не мне судить) — все это было либо до, либо после этих двух бамовских лет.

И все-таки — «интересного было много»...

1 Манойлин В.И. Базирование Военно-морского флота СССР. СПб., 2004.

Начну с того, что попал я на БАМ совсем даже не по своему желанию. Просто после окончания гражданского ВУЗа с абсолютно мирным названием Свердловский институт народного хозяйства мне, как окончившему военную кафедру, присвоили первое офицерское звание «лейтенант» (ВУС – интендантская служба). Воспитанный в духе абсолютного доверия к государству и правящей партии (членом которой тогда состоял), я даже во сне не допускал мысли о том, что меня в мирное время могут снова призвать в армию даже в качестве офицера – ведь до института я уже отслужил срочную двухлетнюю службу в качестве рядового войск противовоздушной обороны. Тем не менее, это случилось – в сентябре 1981 года я поехал к своему месту службы в далекий и незнакомый городок под названием Чегдомын, затерянный в глубине Хабаровского края.

...Оглядываясь назад, я считаю это издевательством со стороны государства – заставить меня отслужить в армии дважды по два года, тогда как многие из моих сверстников не служили там ни дня (это при том, что воинская повинность декларировалась как всеобщая, а служба в армии объявлялась «почетным и священным долгом»). Советское государство как будто лишний раз напоминало мне, что я для него – всего лишь расходный материал, а мою лояльность к нему оно рассматривает просто как мою же очевидную глупость...

И дело не только в моей личной обиде. Разумно ли это было с государственной точки зрения: срывать с места людей, занимающих уже определенное нужное место в экономике страны? Именно на БАМе осенью 1981 года судьба свела нас всех вместе: меня (мастера цеха оборонного завода из Свердловска), Сережу Ершова (начальника цеха с производственного объединения «Днепрошина» из Днепропетровска), Толю Юнчица (главного агронома колхоза под Гатчиной), Леню Брайко (инженера из Ленинградской области) и Толю Пасько (не помню точно, откуда он и кем работал). Наши анкетные данные были на удивление схожи: всем по 26-27 лет, все с высшим образованием, все семейные, все члены КПСС, все уже солидные, определившиеся в жизни люди. Думается, именно за такими и охотились тогда работники военкоматов, выполняя разнарядки по призыву: ведь мы не могли как-то уклониться или куда-то убежать. И нам, начни мы артачиться, тут же можно был напомнить о партийном билете, лежащем в нагрудном кармане...

Таким образом, все мы стали жертвами своей наивности и произвола советских чиновников от армии. Нам предстояло провести два года в тяжелых условиях строительства магистрали, будучи в отрыве не только от цивилизации, но и от наших семей. Из нас пятерых только мне и Толе Пасько пришла в голову мысль привезти семью. С моей стороны это было (каюсь) большой ошибкой – в 1982 году после полугода житья в вагончике жена заболела гепатитом, и я тут же отправил ее с дочерью на «Большую землю». Остальные трое даже и не пытались привезти семьи, видя, в каких тяжелых условиях им придется жить.

...Тогда я, естественно, не знал, что в/ч 12661, обозначенная в моем предписании, – это и есть 1-й корпус железнодорожных войск, и что служба в Чегдомыне в аппарате корпуса – несбыточная мечта многих офицеров этого соединения... В отделе кадров корпуса мне сказали, что служить придется на одной из строящихся станций молодой магистрали в одном из многочисленных железнодорожных

батальонов. Сразу неприятно резануло то, что на весь громадный корпус оказалось всего две вакантных должности начальника вещевого службы батальона – ведь из этого следовало, что никакой особой необходимости отрывать меня от гражданской жизни, от работы, от семьи, от годовалой дочери не было. Тем более, что должность начвеща, как я потом узнал, считалась в офицерской среде «блатной» и занять ее с превеликим удовольствием согласились бы многие. В общем, мне на выбор было предложено два места службы: Алонка (мехбат) и Дуссе-Алиньский тоннель (путевой батальон). Алонка мне показалась более обжитой (такую информацию я уже почерпнул в Чегдомынском краеведческом музее), и поэтому я, недолго думая, выбрал в/ч 36273 – один из батальонов 1-й ордена Александра Невского железнодорожной бригады, она же – в/ч 06430.

...До сих пор меня забавляет мысль, – а если бы я выбрал тогда Дуссе-Алинь? Что-то бы изменилось в моей жизни..?

Но, как бы то ни было, утром 22 сентября 1981 года я перешагнул порог КПП в/ч 36273, на два года вперед определив свою жизнь... Первые впечатления были неутешительны: грязные, замызганные солдаты выполняли различные хозяйственные работы, готовя место дислокации батальона к зиме. Дело в том, что в своей «первой», солдатской, армии я был приучен к порядку и чистоте (спасибо нашему старшине) и знал, как должно вестись воинское хозяйство. Здесь же сразу видно было, что в части нет настоящего хозяина, а вопросы солдатского быта явно не являются первоочередной заботой командиров. Лишь много позднее я понял, что в ЖДВ главным и определяющим моментом всей повседневной жизни был производственный ПЛАН. Комбату могли простить многое, но только не невыполнение плана. «Даешь план любой ценой» – это и было, по сути, главным лозунгом всей жизни ЖДВ. И в жертву этому божку приносилось все и вся...

На складе части мне тут же выдали полный комплект обмундирования безо всяких ограничений (как же – новый начальник прибыл!). Решился и жилищный вопрос: мне сразу же предоставили койку в офицерском общежитии – невзрачном бараке с удобствами на улице. Впрочем, уже в первые дни выяснилось, что мой предшественник оставляет, уезжая (он тоже был «двухгодушником»), очень даже обжитый вагончик. Это жилье я вскоре и занял. Надо сказать, что большинство семей офицеров и прапорщиков, жили в так называемых СПЗ (по-моему, это расшифровывалось как «Сборно-панельное здание») – бараках с коридорной системой, у которых было два сомнительных преимущества: наличие большого количества соседей и какое-никакое гарантированное теплоснабжение. Но холодной бамовской зимой (не зря регион относился к местностям с особо холодным климатом) нередки были случаи аварий на теплотрассах и, как следствие, замерзание бараков. Поэтому проживание в отдельном утепленном (то есть полузасыпанном землей) вагончике считалось чуть не элитным. Забегая вперед, скажу, что в этом вагончике я прожил полтора года, а затем снова вернулся в общежитие – захотелось человеческого общения.

Первое знакомство с поселком было более позитивным: в продовольственном магазине я увидел то, чего в Свердловске (не самом, кстати, отсталым в смысле снабжения городом) просто, не было. На полках стояли и свободно (свободно!)

Жилые вагончики в/ч 36273

продавались тушенка, сгущенка, свежее мясо (правда, только баранина), гречневая крупа! Но, к своему великому огорчению я скоро узнал, что отсылка дефицитных видов продовольственных товаров по почте была запрещена (однажды, сколько я ни упрасивал, так и не приняли полкило гречки, которую я хотел отправить дочке). Мясо в свободной продаже я впервые только на БАМе и увидел – у нас в Свердловске его в магазинах никогда не было, только на рынке (втрое дороже и тоже не всегда).

Лишь позже, присмотревшись, я увидел и очевидные несуразицы таежной жизни, и даже безобразия. Одним из таких безобразий были алонкинские помойки. Дело в том, что в поселке отсутствовали какие-либо коммунальные службы и,

например, бытовые отходы и даже нечистоты просто выносились (выливались) на улицу. Если зимой эти горы отходов только портили ландшафт, то летом... Летом это было ужасное зловонное зрелище. И, к тому же, небезопасное – именно из-за вопиющей антисанитарии летом 1982 года на Алонке разыгралась эпидемия гепатита, жертвой которой стала и моя супруга... Помню, по этому поводу меня даже вызывал на допрос какой-то приезжий помощник районного прокурора, от которого я узнал, что тогда на Алонке заразились гепатитом около 50 человек. Когда ситуация становилась совсем уж нестерпимой, помойки существенно уменьшались в объемах и площадях с помощью экскаваторов – благо в ЖДВ они не были в дефиците. И... все начиналось снова. Другим безобразием были туалеты... Впрочем, можно об этом я не буду писать?

...Надев форму, я пошел представляться начальству и становиться на партучет. Начальство меня не впечатлило: заместитель комбата по тылу майор Жаворонков в ответ на мою просьбу создать комиссию по приему-передаче дел только устало отмахнулся от меня, как от назойливой мухи: «Да какая там, на х... комиссия! Принимай дела – и все тут! А примешь – тогда и будем разговаривать!». Знакомство с кадровыми партполитработниками оставило противоречивые ощущения – я понял только, что мой предшественник изрядно им насолил и при этом, будучи беспартийным, был для них практически недосягаем. Надо сказать, что всего в батальоне было целых пять (!) должностей партполитработников: замполит (майор

Казенный), секретарь парторганизации (майор Ромин), инструктор по политработе (капитан Авдеев), комсорг и начальник клуба. Комсоргом предстояло стать Сереже Ершову, и он два года промаялся (другого слова я не подберу) на этой должности. Завклубом в то же время стал Толя Пасько, который, отслужив два года, остался при батальоне в «должности» рабочего Советской Армии. С Сергеем и Анатолием я быстро нашел общий язык, с остальными придерживался вежливого нейтралитета.

Когда я становился на партучет в штабе бригады, меня принял начальник политотдела некий майор Кортусов (вскоре он ушел на вышестоящую должность – говорили, что аж в управление ЖДВ). Как сейчас помню: передо мной сидел и покровительственно меня наставлял вальяжный и (это было видно по всему) очень довольный собой человек. На смену ему той же осенью 1981-го пришел майор Щербинин – жесткий, властный, деловой, явно настроенный на карьеру. И она ему удалась – уже через полтора года, он стал начальником политотдела корпуса и переехал в Чегдомын. Со Щербининым у меня связано одно забавное воспоминание, когда он вдруг решил проверить внутреннюю службу батальона. Нашел что проверять! Конечно, ни в одном подразделении (кроме караульного взвода) он не увидел дневального у тумбочки и вообще никакого порядка – в общем, совершенно обычную (!) для нашего батальона картину. Было 10 часов утра, все начальство было на трассе, а я, будучи дежурным по части, «законно» спал на кушетке в дежурке. Щербинин разбудил меня, завел в кабинет, отобрал у меня пистолет и наорал, как на нашкодившего сопляка. Но что он мог более того, сердечный, сделать? Наш 6-й батальон и так вечно был занозой в глазу у бригадного начальства (хотя штаб бригады находился тут же, за забором).

Раз уж я заговорил о партполитработе, то хотел бы сразу развеять миф и бамовских политработников, которые, мол, «были всегда впереди», «воодушевляли», «вели», «направляли» и т.д. Конечно, политработники, как и все мы, грешные, были разные. Разве можно бросить какой-либо упрек, например, ротным замполитам? Да они месяцами не вылезали с трассы, выполняя и несвойственные им производственные функции, всегда были рядом с солдатами, деля с ними все тяготы и испытания службы. Именно там, на трассе строящейся БАМ они были на месте. В то же время «в тылу» пышным цветом расцветали формализм и тоска мнимой партполитработы, сводимой зачастую только к оформлению наглядной агитации. Вот, например, хорошо помню, как проходило отчетно-выборное собрание в парторганизации штаба нашего батальона (оно, кстати, было единственным за год – больше никаких собраний не было и в помине). Секретарь (не помню уж кто) просто зачитал свой отчет годичной (!) давности, даже не обновив фамилий отдельных коммунистов. Все сделали вид, что ничего крамольного не произошло... Спрашивается, а где же были замполит и секретарь парторганизации?

И такой формализм разъедал все и вся. К примеру, сразу по прибытии в часть меня заочно избрали в совет молодых офицеров бригады. Причем мне об этом сообщили окольным путем. Ну, ладно, избрали и избрали. А дальше – ничего. В дальнейшем никто и никогда мне даже не позвонил. И я понял, что весь этот совет существовал только в бумагах политотдела бригады... При этом неустанно составлялись планы повседневной партполитработы – замполит майор Казенный

как-то пожаловался мне, что у него, бедного, аж указательный палец на правой руке болит от многочасовой работы с... авторучкой. Я ему, конечно, посочувствовал. Кстати, заглянул я как-то в один такой план, а именно план проведения новогодних мероприятий с личным составом части (встречали новый, 1982-й, год). Из этого плана, расписанного на несколько страниц (умели замполиты составлять планы, умели!) следовало, что с солдатами и сержантами в праздничные дни почти ежеминутно проводились какие-либо развлекательные и общественно-политические мероприятия. Особенно, меня развеселили такие развлечения новогодней ночи, как «игры» и «аттракционы» – эти слова вызывали только горькую усмешку. В реальной жизни все эти «игры» и «аттракционы» солдаты в отсутствие замполитов и вообще офицеров придумывали себе сами, и эти развлечения веселили обычно только старослужащих...

Конечно, и среди кадровых партработников были такие, кто в глубине души видел пороки советского общества, осознал свое бессилие что-то кардинально изменить и стремился, по мере сил, хотя бы не портить жизнь окружающим, старался быть честным перед собой и людьми, искренне переживая за них и помогая им. Именно такими остались в памяти замполит пятой роты Салават Фатхлисламов, последний (для меня) секретарь парторганизации батальона Валентин Сафронов и инструктор политотдела капитан Авдеев. Из бригадных политработников запомнился подполковник Юревич.

Да, надо прямо сказать, что с частью мне не повезло. Батальоном тогда командовал майор В.Галка. Главной отличительной чертой характера этого очень амбициозного и малообразованного (уже командуя батальоном он не имел за плечами даже законченного военного училища) человека был безудержный карьеризм – похоже, что больше всего на свете его интересовали звезды на своих погонах и деньги. Все его подчиненные для него были просто личный состав, с помощью которого он делал свою карьеру. Он никогда не снисходил до того, чтобы поприсутствовать на каком-нибудь общем празднике, никогда не общался с семьями офицеров и прапорщиков, одним словом – избегал неформальных контактов и держал максимальную дистанцию от всех своих сослуживцев. Для них (можно сказать – для нас) он оставлял только одно – беспощадную требовательность. Правда, было у Галки и одно несомненное достоинство – он практически не пил сам и терпеть не мог любителей спиртного. Пару раз за свою службу я был свидетелем впечатляющих разносов, которые он устраивал любителям «зеленого змия». (Разносы, кстати, он вообще умел устраивать.)

Придя в батальон, он, прежде всего, заменил всех своих заместителей, кроме замполита (эта должность ему была, видимо, не по зубам, а, скорее всего, он просто ни в грош не ставил партполитработу и считал, что замполит не играет никакой серьезной роли в выполнении плана). В период моей службы по инициативе комбата были переведены с понижением в другие части: начштаба майор Рыбак, зам. по тылу майор Жаворонков (мой прямой начальник) и зампотех майор Пинаков. За те же два года в батальоне за дискредитацию воинского звания были уволены комвзвода 3-й роты лейтенант Никитенко и старшина 1-й роты прапорщик Мороз.

К слову говоря, таких «передвижек» хватало и в других батальонах, и в управ-

лении бригады. За два года моей службы только из старших начальников бригады были сняты с должностей ее начштаба (подполковник Аккуратнов) и один из командиров батальонов (в Чабыгде) – подполковник Ференец. Последний за злоупотребления служебным положением был еще и исключен и партии. О подобных случаях на уровне корпусного начальства мне известно мало. Разве что однажды при случайной встрече офицер штаба корпуса рассказал о том, что будто бы попал под следствие и был осужден на несколько лет лишения свободы один из заместителей командира корпуса.

Хватало в нашем батальоне и различных дисциплинарных нарушений и даже происшествий с тяжелым, как принято говорить, исходом. За два года моей службы в батальоне два военнослужащих погибли (рядовой Вахтин застрелился на посту, а рядовой Рахимов при невыясненных обстоятельствах попал под БТСку), один – рядовой Хасаншин – осужден к 4-м годам строгого режима «за дезертирство». После гибели Рахимова прямо на месте ведения работ загадочно пропал без вести рядовой Иванов. Я его немного знал, он был из Ижевска. Его так никогда и не нашли, а в батальоне долго циркулировали слухи о том, что с ним расправилось «южное» землячество – по несчастью Иванов и был водителем той злосчастной БТСки. Думаю, что тело его так и покоится по сей день, где-то в мари или даже в насыпи БАМа... Особенно мне жаль Хасаншина – я-то знаю, что бежал он от голода, издевательств и побоев старослужащих (добежал, кстати, аж до Тюмени, где был задержан нарядом комендатуры). Ему бы и на суде об этом прямо надо было сказать. Но его цинично обманули, посоветовав признаться просто в «желании дезертировать из рядов Вооруженных Сил» и пообещав незначительное наказание. В результате – сломанная жизнь. Где-то он, сердечный, сейчас?

Но все эти события никак не сказались на карьере майора Галки. По моим сведениям, он и дальше успешно продвигался по службе. Кстати, он сразу понял, что с «личным составом» план не выполнишь (а это ведь было главное в ЖДВ, разве конкретные люди и их судьбы были кому-то нужны?). Поэтому он на вербовал на своей Родине – в Запорожье – гражданских специалистов – шоферов, бульдозеристов, экскаваторщиков и т.д. под началом своего родственника – некоего Бородавки (неплохой, кстати, был мужик, ничего не скажу, играли с ним в шахматы иногда). В этой бригаде было около 40 классных специалистов – в основном благодаря ним и выполнялся план. Зарплаты в бригаде, по словам рабочих, были не более 500 руб. (у большинства, по крайней мере). Правда, и текучка кадров в бригаде была высокой – не все выдерживали тяжелые условия работы и проживания. Я едва успевал выдавать со склада и списывать им рабочую одежду, что входило в мои служебные обязанности.

Кстати, пора бы уже рассказать и о непосредственной моей службе. Если в двух словах, то в мои обязанности входило два серьезных момента: во-первых, обеспечение личного состава батальона вещевым имуществом, а во-вторых, банно-прачечное обслуживание рядового и сержантского состава. Но, надо честно сказать, что к полноценному исполнению своих должностных обязанностей начальника вещевого службы я поначалу оказался просто не готов (видимо, так нас учили в «гражданском» ВУЗе). Поэтому многому приходилось учиться на ходу. Но это еще бы ничего – учиться я, скажу не хвастаясь, умею. Хуже было то, что общая

обстановка в части была, мягко сказать, не слишком доброжелательной. Я уж не говорю о том, что сколоченного воинского коллектива не было и в помине. Думаю, что эта «традиция» так и сохранилась в батальоне до его расформирования в алтайском местечке Чуваш-Пай во второй половине 1980-х. Иначе не написал бы один из проверяющих после передислокации части на Алтай такой убийственный вывод: «Батальон полностью деморализован».

Все это усугублялось экстремальными условиями – ведь батальон не просто нес службу, он РАБОТАЛ, он создавал громадную материальную ценность – Байкало-Амурскую магистраль. Естественно, что и сроки службы вещевого имущества здесь были гораздо меньше нормативных. Например, постельное белье просто «горело», да к тому же его использовали на подворотнички, а нередко и просто разрывывали – ведь в стране уже четко обозначился в том числе и дефицит постельного белья... Правда, иногда из специального фонда УЖВ можно было получить некоторые виды имущества, но обычно это были только солдатские сапоги.

Да что там белье – нередко даже парадные мундиры солдат и сержантов приходили в негодность и утрачивались – ведь их (как и все ротное имущество) старшинам рот приходилось перевозить с одного места работ на другое. ...Ох, уж эти «парадки»! И вечно-то их не хватало! Действительно, попробуй, сохрани их два года (как и шинели, кстати). Помню, в июне 1983-го приехали дембеля (подлежащие демобилизации солдаты и сержанты) с трассы. В одной роте старшина (или ротный – уже не помню) наврал им, что «парадки» ждут их на складе батальона, то есть перевел стрелки на меня. А за ротой у меня по учету этих «парадок» и так было немерено – на три года вперед. Дембеля целый вечер пытались уломать меня, чтобы выдал я им новые парадки. А я не мог... Не мог! До сих пор чувствую себя перед ними виноватым, хотя больше всего виновато было их ротное начальство. Кстати, дембеля – они на то и дембеля... Все равно где-то все раздобыли себе «парадки»...

Все это вместе – «бельевой» дефицит в стране, халатное отношение прямых начальников к быту солдат и суровые условия службы – приводили к тому, что личный состав нередко имел самый невзрачный вид, не говоря уже о какой-то молодцеватости и строевой выправке. В Интернете я нашел литературную запись, сделанную женой бывшего рядового ЖДВ (видимо, сам бывший строитель «стройки века» не в силах был литературно описать то, что он увидел на БАМе в первые дни службы...). На мой взгляд, запись эта вполне соответствует действительности. Вот эта запись:

«После бани им выдали обмундирование и построили. Зрелище было далеко не похожим на то, что можно было видеть в то время в программе «Служу Советскому Союзу» – измученные, перепуганные, сопливые мальчишки в военной форме не по их размеру. У кого-то проблемы со зрением, у кого-то со слухом, кто-то всё ещё «ходит» под себя, кто-то ростом не вышел и утонул в шинели на столько, что её рукава где-то ниже колен. Создавалось впечатление, что здесь не действуют правила призыва, исключающие негодных для службы. У некоторых была дома семья и дети, кому-то служить запрещала вера, но, тем не менее, в армию их призывали. У мужа с детства было отбито часть локтя, и он мог свободно откосить. Но программа «Служу Советскому Союзу» была его любимой и не пойти в армию в то

время было позором. Поэтому он каждый раз на комиссии отжимался от пола перед докторами, чтобы доказать, что он годен к службе. Потом он не раз пожалел об этом, но об этом позже.

Первое время они спали по четверо на двух койках, не снимая верхней одежды. Валенки (те, что им привезли вначале, позже выдали сапоги, но они почти никому не подошли по размеру, все маленькие были) тоже не снимали, не только потому, что так было теплее, но и ...кто-то начал в них шкодить, то ли деды так прикалывались, то ли кто-то из молодых так прятал своё нежелание выходить на мороз. И не только на мороз, но и вообще идти к туалету, так как там их постоянно пасли, чтобы отобрать ремни или поменять свою старую форму на новую. Не желающих меняться метелили почём попало...»²

...Подобное отношение к солдатам и я наблюдал на БАМе, к сожалению, нередко. И это были не «отдельные случаи неуставных взаимоотношений между военнослужащими», как сейчас (и тогда!) многие пытаются изобразить. Во всех этих безобразиях проявлялось глубинное свойство советской системы – неуважение к Человеку, будь он в штатском костюме или военной форме. Причем неуважение не только со стороны государства к людям, но и неуважение самих людей друг к другу. Вспоминается, как где-то весной 1983 года наш комбат Галка на утреннем разводе сообщил, что в батальоне, дислоцирующемся на Этыркене, «снова произошло самоубийство». (Впоследствии, кстати, выяснилось, что все было еще ужаснее – старослужащие насмерть забили молодого сослуживца и, чтобы скрыть следы преступления, имитировали самоубийство.) Только комбат закончил свое сообщение словами: «Смотрите же за личным составом! Нам еще этого не хватало в батальоне!», как тут же один из офицеров – капитан Кучеров – услужливо – успокоительно поддакнул: «Это, товарищ майор – я где-то читал – природа избавляется от слабых духом». По шеренгам офицеров и прапорщиков прокатился легкий смехок...

В этой связи нельзя не вспомнить о рукоприкладстве – и в солдатской среде и со стороны офицеров и прапорщиков в отношении солдат. Это омерзительное явление было (было!) достаточно широко распространено и вполне открыто считалось «воспитательной» мерой. При этом оно фактически никак не осуждалось, а, скорее, даже наоборот – негласно поощрялось. Среди офицеров и прапорщиков ходила мерзкая шутка о том, как некий командир во всеуслышание произнес, обращаясь к солдатам, такую фразу: «У нас за рукоприкладство статья есть. Так я вас, козлов, ногами бить буду – за НОГОприкладство у нас статьи нет». Однажды я прямо спросил заместителя начальника штаба нашего батальона капитана Дресвянникова: «Доколе в батальоне будет процветать все это скотство?» Гена Дресвянников (очень даже неплохой был парень, кстати) так вот прямо мне и ответил: «Если бы, Володя, это были отдельные проявления, то можно было бы с ними как-то бороться. Но ты сам видишь: это явление массовое».

Однажды моего сапожника (в составе вещевого склада была и сапожная мастерская) стали регулярно избивать «деды». И ведь что интересно – он из страха так и не назвал мне их имен. Дошло до того, что Новый 1982 год мы встречали с

2 URL: <http://www.odnoklassniki.ru/#/group/51781033787610/topics/дата обращения: 25.09.2014>).

ним вместе в моем вагончике в Алонке на Нижней Вагонной улице. Но как только он вернулся в свой хоззвод, его опять там побили... Вскоре служба нас развела, но на этом история не завершилась. Уже ближе к концу срока службы я снова встретился с Дададжоном (так, помнится, звали этого парнишку-узбека) при интересных обстоятельствах – случайно зашел в столовую и увидел, как один старослужащий довольно нагло гоняет по залу молодежь. С немалым удивлением узнал в нем Дададжона. Узнал и он меня. И когда я его спросил, что это он так «оборзел» и не забыл ли он, как над ним самим издевались «старики», то услышал в ответ: «Так я тогда был молодой, а теперь мне ПОЛОЖЕНО». Вот так бывшие жертвы порой превращаются в палачей...

Что же касается банно-прачечного обслуживания, то с ним у меня связаны особые воспоминания... Было это в феврале 1983 года. Меня вызвал комбат и приказал ни много ни мало построить баню на месте проведения работ. Мои возражения типа «...я ведь не строитель, товарищ майор, а экономист по гражданской специальности» были отмечены в категоричной форме. Я прекрасно понимал, почему комбат решил поручить мне такое необычное для меня задание. Дело в том, что незадолго до того в батальоне произошло маленькое происшествие, виновником которого был я. Ближе к Новому 1983-му году батальон получил двадцать с чем-то полушубков (в 1982 году они были уже дефицитом) и я распорядился ими, как мне велела совесть. А рассудил я так: у начальников эти полушубки, конечно, есть (даже если по учету они и не значились), а вот кто обеспечит молодых лейтенантов? Взял да и... обеспечил всю молодежь в батальоне в первую очередь. Что дальше было – можете себе представить.... (Свой полушубок я предварительно сдал на склад, чтобы в меня пальцем не тыкали). Комбат же орал на меня так, что стекла в штабе чуть не повывлетали (это он умел).

Сейчас вспоминаю этот эпизод – и сам удивляюсь своей лейтенантской смелости... Но дело-то было в том, что никаких инструкций я не нарушил (кроме одной негласной – весь дефицитный товар в батальоне распределять только по указанию командира). А поэтому в своем рапорте я так и написал: «Да, сделал то-то и то-то... Согласен нести ответственность». Чтобы как-то выместить на мне свое раздражение (не удалось пожить новым полушубком) комбат и дал мне заведомо провальное, как ему казалось, для меня задание.

...Недавно, снимаясь навсегда с воинского учета, я попросил в военкомате посмотреть свое личное дело, и с интересом ознакомился с характеристиками, а также карточкой взысканий и поощрений, которыми меня «наградило» начальство. Оказывается, за два года офицерской службы я получил три поощрения (благодарности) и одно взыскание (строгий выговор). Характеристики все были исключительно положительными («В строевом отношении подтянут», «Политику партии и правительства понимает правильно», «Военную и государственную тайну хранить умеет», «Занимаемой должности соответствует» и т.д. и т.п.), разве что мой начальник майор Коваленко счел должным указать на то, что старший лейтенант Мамяченков В.Н. «...не принимает ответственных решений, не советовавшись с начальниками». Вот уж это он написал зря – ведь ему прекрасно была известна вышеописанная история с полушубками...

...Никогда не забуду тот февраль 1983-го... Мороз стоял около минус 30 градусов. В вагончиках и солдатских палатках безостановочно раскалялись печи. У нас в вагончике под потолком офицеры и прапорщики спали в одних трусах (такая там была жара), а на полу стоял лед... Я приподнял свою солдатскую кровать повыше, на метр с чем-то от пола, и спал на ней, не раздеваясь, в шинели, только снимая валенки. В моем распоряжении было четверо солдат, четыре топора и две пилы... И что вы думаете – сделали мы эту чертову баню! Котел для воды сварил батальонный сварщик – гражданский специалист, а вместо воды загружали мы котел... льдом. Дело в том, что протекающая рядом речка промерзла до дна! всю жизнь буду помнить, как я солдатами валил деревья и остругивал их, как вместе с ними грелся у костра. А сержант Шароватов из Красноярска, пожаловавшись, что у него на ноге вскочила «бамовская роза» (эта неприятная кожная болезнь называется стрептодермия – объяснил потом наш врач), добавил: «Прав был мой дядька. Когда провожал меня в армию, сказал: «Не бойсь, племянник. Армия – это примерно то — же, что и тюрьма. Только немножко хуже...»».

...И все-то мы преодолели, и баню построили за 10 назначенных нам суток. И помылся там весь батальон. И комбат после этого даже как-то подобрел ко мне, а комбриг Романьков даже пожал руку...

...Кстати таких парней, как сибиряк сержант Шароватов в батальоне были считанные единицы. Вот ведь тоже одна из загадок БАМа: зачем для службы в особо холодном регионе призывали ребят в основном из «теплых» азиатских и закавказских республик СССР? А ведь ребята с Урала и из Сибири работали бы в тех условиях гораздо лучше и им не надо было бы адаптироваться к холодным зимам. (Кстати, я специально уточнял: ребят с Урала – моих земляков – в батальоне служило всего 3–4 человека.) Но стратеги из Генерального штаба, ведающие вопросами мобилизации, преследовали какие – то свои непонятные мне и по сей день цели...

Вот так мы служили и одновременно работали... Если саму службу уже считать работой, то воины ЖДВ работали вдвое больше представителей других родов войск. Что же они получали за свой труд? Начну с рядовых и сержантов. Подтверждаю: да, солдатам на БАМе платили, но, сколько – вот в чем вопрос. Я лично неоднократно видел ведомости солдатских зарплат (благо наш начфин лейтенант Саша Рогулин жил тут же в общежитии). Так вот, в редких случаях эти зарплаты достигали 70–80–100 рублей, а зачастую они составляли 20, 30 и 40 руб., а то и этого не было. Если хотите знать, то первым моим шоковым впечатлением от БАМа было впечатление от выдачи премий солдатам по итогам сентября месяца 1981 года. В начале октября я в первый раз приехал на трассу (батальон как раз заканчивал отсыпку насыпи на Этыркене) и сразу после завтрака присутствовал на вручении премий наличными солдатам и сержантам прямо, что называется, на месте работ. Проводил это вручение секретарь партийной организации батальона (была, как я уже писал, такая халявная должность в батальоне – знай за все болей и ни за что не отвечай!) майор Ромин. Меня поразило явное несоответствие между торжественностью мероприятия (общее построение батальона и т.д.) и ничтожностью «премии», равнявшейся... 3 (трем!) рублям... На полном серьезе этот «неадекватный майор» (так я его называл за глаза за порой странное поведение) провоз-

глашал: «Рядовой экскаваторщик такой-то награждается премией – три рубля!». Батальон аплодировал... А мне казалось, что я попал в сумасшедший дом... (В дальнейшем это ощущение посещало меня все чаще вплоть до завершения службы.)

И так было везде. В Одноклассниках можно найти воспоминания солдат ЖДВ, касающихся и оплаты их нелегкого труда. Например, солдат-геодезист из в/ч 33007 вспоминает, что получал 20–30 руб., а другой рядовой (дежурный электрик) из в/ч 26485 получал всего 15–20 руб. При этом он замечает: «...и то деды отбирали. Не густо, если учесть, что работали сутки через сутки. Кожа на руках вместе с проводами слезала... Зимой ощущения еще те. На руках наросты – 220 вольт не пробивало. Мы были рабы»³.

А за что служили и работали офицеры? Они, конечно, были разные и стимулы, движущие ими – соответственно тоже. Общим у «кадровых» было то, что они клятвою обязались служить СИСТЕМЕ, которая оказалась порочной и в конце концов бесславно развалилась... (Для кого-то это – «геополитическая катастрофа», для думающих людей – неотвратимый финал полностью дискредитировавшего себя государства). Большинство из «кадровых» тянули свою лямку, руководствуясь такими стимулами, как: смутное понятие «долга», возможность командовать другими людьми и... получение материальных благ. Причем третий стимул был очень даже, по моим наблюдениям, немаловажным. В конце 1970-х–начале 1980-х страна уже содрогалась в муках системного кризиса, а на БАМе было еще относительно неплохое снабжение. Кадровый служивый народ набивал карманы, прикупал постельное белье, ковры и хрусталь и терпеливо накапливал «целевые» вклады на автомобили. (Была такая льгота для служивших и работавших на БАМе – за 2 года можно было накопить на «Жигули» и получить право (!) купить их прямо с завода. Помнится, что ежемесячные отчисления на это вклад составляли 235 рублей). А кто-то просто уныло складывал деньги «на книжку».

Какие были деньги? Молодой лейтенант сразу после окончания училища получал 120 руб. за звание и примерно столько же – за должность. Плюс продовольственный паек и вещевое обеспечение. (Вместо пайка можно было получать деньги – 40 руб., но так поступали только двухгодичники. Ведь паек (плюс доппаек) включал в себя 6 кг мяса, 1,5 кг сливочного масла, много картошки, консервов, специй и т.д. и т.л.) Плюс иногда платили премии (ЖДВ-то ведь были войсками «хозрасчетными»). Плюс подоходный налог тогда с военнотружеников не взимался. Плюс надбавки за бамовский стаж. И т.д., и т.п. Одним словом, будучи старшим лейтенантом по второму году службы, я в месяц на руки получал где-то 340 рублей. (Напомню, у доцента, кандидата наук в ВУЗе тогда был оклад 320 руб., то есть на руки выходило где-то до 280 руб.). Офицеры в звании майора и выше получали по 500 руб. и более.

Смею утверждать, что возможность отовариться «дефицитом» была важным (если не главным) фактором, который удерживал многих на БАМе и мирил их со всеми невзгодами и жуткими неудобствами (одно отсутствие теплых туалетов чего стоило! Даже в штабе бригады! А ведь там немало женщин служило...). Это сейчас молодежь не знает, что такое товарный дефицит, а я хорошо помню его. К приме-

3 URL: <http://www.odnoklassniki.ru/#/group/51781033787610> (дата обращения: 25.09.2014).

ру: 1980 год, я недавно женился и заканчиваю институт. Иду в мебельный магазин, чтобы купить хотя бы скромный гарнитур на кухню. «Нет» – говорят мне. «Тот, что на витрине – это экспонат. Хотите что-то купить – записывайтесь в очередь... каждый первый четверг месяца. Очередь лучше занимать с вечера...». Такие вот грустные дела. Захотел я как-то, купить обычной краски для пола – пришлось двое суток отмечаться в очереди. (Купил, только сунув трояк хмырю-грузчику).

А вот офицеры-двухгодичники – это уже другая тема. Абсолютное большинство из них (правильнее – «нас», ведь я был одним из них) рассматривали свой призыв на два года в лучшем случае как неприятное жизненное событие и тяготились этим. Желающих после службы «остаться в кадрах» мы просто не понимали. Кстати, таких в нашем батальоне было всего трое, и все «осели» в инженерной службе. Один из них – явный неудачник по жизни – в приватном разговоре со мной как-то пооткровенничал: «Знаю, что меня тут недолюбливают. Но кем бы я был на «гражданке»? А здесь (он понизил голос до полупшепота) у меня на книжке уже 12 тысяч». Излишне спрашивать, что стало с его тысячами, когда началась «перестройка» и деньги обесценились...

Выше я упомянул об офицерском пайке и доппайке. А как обстояло дело с питанием солдат и сержантов? Советская пропаганда во все времена утверждала, что «...в армии кормят отлично» (лично мной услышанные слова из передачи «Служу Советскому Союзу!»). На самом деле, конечно, ничего «отличного» в питании «низших чинов» ЖДВ не наблюдалось, как, впрочем, и во всей Советской Армии. В этой связи вспоминаю свою «первую», солдатскую армию. Те два года (1974–1976) я провел в одном из зенитно-ракетных дивизионов войск ПВО страны, который дислоцировался на южном берегу Крыма близ Алушты. Там я увидел почти идеальную армию: сплоченный коллектив офицеров и прапорщиков, строгого и заботливого старшину, достаточно образованных и физически развитых солдат. Все это в сочетании с прекрасными природно-климатическими условиями создавало отличное настроение и желание служить Родине. Но питание... Честно говоря, и там оно оставляло желать лучшего, хотя (голову даю на отсечение) старшина ничего не уоровывал из солдатского котла. Но, например, мясные блюда готовились только по праздникам не более 2–3 раз в год. А чувство голода сопровождало меня постоянно...

На БАМе же даже в праздничные дни солдатский рацион существенно не менялся. Вспоминаю, как в августе 1982 года я поехал на трассу с вещевым имуществом и заодно – с «праздничной» добавкой к обеду. Эта добавка состояла из томатного сока и конфет-карамельек из расчета одна кружка сока и 2–3 карамельки на человека. И это убожество называлось «праздничным обедом»! Я не помню, чтобы вопросы питания, вещевого обеспечения и быта солдат и сержантов были предметом обсуждения совещаний офицеров и прапорщиков и партийных собраний. Как почти не помню и того, чтобы командование батальона лично проверяло качество пищи, которое, мягко говоря, было не лучшим. Дежурные по части, как правило, не присутствовали при закладке продуктов в котлы и тоже ничего не контролировали. В результате старослужащие (а в столовой, естественно, верховодили они) занимались в основном обеспечением самих себя и своих сотоварищей. Молодежи оставалось то, что оставалось... Если вообще оставалось...

Да о каком контроле со стороны офицеров может идти речь, если некоторые из них и сами были не прочь пожить за счет солдатского пайка! Например, летом 1983 года (батальон тогда вел работы на Меуне) с места работ пришло тревожное сообщение о том, что продуктов осталось на 3 дня. Я в это время исполнял обязанности заместителя комбата по тылу, а поэтому вынужден был заниматься и малознакомыми мне вопросами продовольственного снабжения. Сообщение меня удивило, так как, по данным продслужбы, продуктов на месте работ должно было хватить еще на 10 дней. К тому же на месте работ находился и сам начпрод – молодой (только из Вольского училища) лейтенант Бырев. Пришлось срочно «лететь» на трассу. То, что я там увидел, повергло меня в шок: склад и вправду был почти пуст. В ответ на мое возмущение и недоуменный вопрос: а где же большая часть продовольствия (прежде всего – тушенка)? лейтенант Бырев беспомощно ответил, что не знает... Быстро проведенное мной расследование установило постыдный факт: почти вся тушенка (по инициативе некоторых офицеров и при полном содействии Бырева) «ушла» гражданским рабочим в обмен на спирт...

Конечно, я довел все это до сведения командования батальона, но действенных мер с его стороны не последовало – никто не хотел выносить сор из избы. Правда, уже недавно с помощью Интернета узнал, что карьера и начпрод, и командира второй роты Луковникова – организатора пьянок – завершились печально...

...Вот я написал в предыдущем абзаце слова: «Полетел на трассу». Конечно, не полетел, а поехал. Вертолетами на БАМе летало только очень большое – корпусное – начальство. Поэтому нередко на притрассовой дороге можно было увидеть «уазики» и комбрига, и его заместителей. Хорошо помню, как однажды в бездорожье видел, как вытаскивают из грязи «уазик» главного инженера бригады подполковника Дашковского. Он сам при этом гордо восседал в машине, а вокруг суетилась челядь... Обычная поездка «на трассу» порой превращалась в немалое испытание и воли, и нервов, и твоего физического состояния – ведь предстояло преодолеть (нередко – в кузове автомобиля!) от 100 до 400 километров... Уже в первую свою поездку до Этиркена и обратно осенью 1981 года чего я только не увидел по дороге! И только что перевернувшийся КраЗ, и брошенный бензовоз, и даже безнадежно, «по уши», увязший в грязи... «Ураган» (кто знает, ЧТО это за машина, тот поймет, КАКОЕ бездорожье было на БАМе)...

Лишь однажды мне довелось проехать по БАМу по рельсам – на тепловозе. Это было в октябре 1982-го после того, как я привез на трассу зимнее обмундирование. Привезти-то я его привез (и очень радовался за солдат, так как в воздухе уже летали «белые мухи»), но в первую же ночь склад с имуществом обворовали... Кто это сделал – так и осталось неизвестным, да и расследования никакого не было. Крайним, естественно, сделали меня, как не обеспечившего охрану имущества. Оказывается, склад не охранялся, хотя номинально был дежурный по лагерю, его помощник и дневальные... Особенно тяжелой была утрата части зимних шапок. Поэтому мне пришлось мчаться на станцию Федькин Ключ и договариваться там с тепловозной бригадой насчет поездки до Алонки. Это была моя первая и пока (пока?) последняя «рельсовая» поездка по БАМу. Как я разрешил «шапоч-

ный» кризис? Да очень просто. Те 10–12 недостающих шапок стоили, помнится, в военторге около 100 рублей. На эту сумму мне и еще кому-то из офицеров тут же выписали премию и выдали наличные. Вот так!

И таких постоянно возникавших и требовавших неотложного разрешения ситуаций было множество. Все это нервировало и никак не настраивало на оптимистичный лад, вынуждая считать месяцы и недели до вожделенного «дембеля». К слову говоря, желающих, как говорить, «свалить» со стройки века было много и среди кадровых военнослужащих. Но большинство все-таки сдерживали себя: кого-то соблазняла дешевая пропаганда («Мы БАМ строим!»), кого-то – повышенный оклад, а кого-то – офицерский паек, власть над людьми, наконец, возможность за два года получить право купить «Жигули». Меньшинство же настойчиво искали выходы из ситуации. Их было три:

1. Перевод в западную часть страны. (Для этого многие согласились бы даже на понижение в должности. Помню, как провожали на службу, на Украину замполита второй роты старшего лейтенанта Заекина – ему и его жене многие откровенно завидовали, хотя те уезжали куда-то в украинскую глубинку, где их вовсе не ждали райские кущи и повышение мужа по службе).

2. Увольнение (на военном жаргоне – «откос») из ЖДВ по здоровью. (Но это редко кому удавалось).

3. Увольнение за дискредитацию воинского звания, то есть «с волчьим билетом». Вот именно для этого офицер (или прапорщик) начинал вести откровенно разгульную жизнь. У нас в батальоне при мне таких было трое (я уже писал о двоих из них — лейтенанте и прапорщике). Помимо них из армии очень хотел уволиться симпатичный парень – немец по национальности – прапорщик Эйстрах, отец троих детей. Я присутствовал на суде чести, где он просил уволить его, но получил отказ. Кроме того, с еще одним таким отчаянным «косяком» и одновременно очень симпатичным парнем я познакомился как-то в поезде по пути в Чегдомын. Как сейчас помню, парень был из батальона, что стоял на Утинку и служил он там начальником связи. Звали его Сергей Ченский. Он с большим чувством юмора рассказал мне, как его трижды (трижды!) провели через суд офицерской чести. Но все три раза, несмотря на его отчаянные просьбы об увольнении из армии, оставляли в ее рядах. Много позже, проезжая по трассе через Утинку, я забежал к нему в барак, но не застал. Так я и не знаю, удалось ли ему уволиться из армии. И таких желающих, повторяю, в ЖДВ было много. Поэтому я никогда не поверю в басни о поголовном патриотизме строителей магистрали. Все это сказки для слабоумных. Реальная жесткая (а где-то и просто жестокая) жизнь толкала людей к самым «непопулярным» решениям.

...Заканчивая свое повествование, хотел бы сказать, что два бамовских года сыграли значительную роль в моей жизни. Наверное, только там, на этой гигантской стройке, я воочию увидел все противоречия, раздиравшие (и, в конце концов, разодравшие) Советский Союз. То, что я увидел на БАМе, не только, к сожалению, не способствовало росту уважения к своей стране – скорее, наоборот, именно там наступило горькое разочарование в СИСТЕМЕ. Святая Вера в безгрешность идеалов социализма постепенно тускнела и до этого, а БАМ уничтожил ее безжалостно и окончательно. Поэтому для меня пребывание на БАМе – это,

прежде всего, мучительный процесс прощания с иллюзиями по поводу нашего «самого справедливого и гуманного на свете» государства. Это послебамовское ощущение хорошо передал одной фразой один из бывших рядовых строителей магистрали Леонид Смыковский: «До сих пор учусь любить человечество».

И последнее. Не могу не задать важный вопрос: так ли необходимы были все те жертвы, что вольно или невольно были принесены во имя построения БАМа? Егор Гайдар в начале 2000-х высказывал свое мнение о БАМе такими словами: «Проект строительства Байкало-Амурской магистрали – характерный пример социалистической «стройки века». Проект дорогой, масштабный, романтический – красивые места, Сибирь. Подкреплённый всей мощью советской пропаганды, экономически абсолютно бессмысленный. Дороги умели строить – это не производить конкурентоспособную продукцию или хорошие товары народного потребления. Беда в том, что никто так и не задумался элементарным вопросом: «А зачем мы строим эту дорогу? Что мы собираемся по ней возить и в какую сторону?» Проект обошелся примерно вчетверо дороже, чем предполагалась, и в полном объеме так и не был никогда завершен. Уже сегодня в наши цены на железнодорожные перевозки заложены затраты связанные с покрытием убытков от так и не заработавшей дороги»⁴.

Википедия сообщает: «К 1997 году грузопоток по БАМу сократился вдвое по сравнению с пиковым на тот момент показателем 1990 года (в сутки проходило лишь несколько составов). К 2009 году объём грузоперевозок по направлению Тайшет – Тында – Комсомольск снова вырос и составлял примерно 12 млн тонн в год. Вместе с тем, даже при таких объёмах перевозок дорога остаётся нерентабельной. На 2009 год весь БАМ перевозил ежегодно около 12 млн. пассажиров – чуть более 1 % пассажирских железнодорожных перевозок всей России».

Зайдя в Интернет, я обнаружил, что и сейчас, в 2014 году, вышеприведенные цифры остались теми же.

...Думая о БАМе, я, прежде всего, вспоминаю бамовских солдат. Сколько я их повидал за два тяжелых года службы! Именно они, эти безвестные строители магистрали, в сущности, повторили судьбу многих тысяч советских заключенных 1930–1940-х годов, начавших в неимоверно трудных условиях строительство «стройки века». Повторили в том смысле, что были почти так же бесправны и бессильны перед произволом командно-административной системы, заставившей их два года жить и работать порой в нечеловеческих условиях. Повторили и в том смысле, что навсегда остались неизвестными для будущих поколений... И, если бы это зависело от меня, то я бы предложил где-нибудь посередине БАМа поставить многометровый гранитный памятник «Неизвестному солдату-железнодорожнику» – чумазому, в замасленной куртке-бамовке, с потрескавшимися от мороза губами и неестественно огромными натруженными руками, сжимающими кувалду...

*Мамяченков Владимир Николаевич,
доктор исторических наук, доцент,
в 1981–1983 гг. – начальник вещевой службы в/ч 36273.*

4 URL: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 25.09.2014).